

Дольмены на Камышенке

Охотиться на боровую дичь я предпочитаю в лесных массивах. Охотничьи угодья делятся серовским трактом приблизительно на равные части, удалённые от г. Верхняя Пышма на 25 км.

Первую охотничью тропу в этих угодьях я проложил осенью 1958 года, и она свела меня с первым археологическим памятником – каменным сооружением П-образного сечения (культовые сооружения из каменных плит называют дольменами). Кладка была явно рукотворной. Но кто, когда и для кого сложил эти камни в таёжной глуши?

Через четверть минуты я вновь с изумлением остановился, но теперь гранитной глыбы, на горизонтальной поверхности которой имелся рукотворный веретенообразный жёлоб. И вновь вопрос: в какой зависимости находится жёлоб с каменной кладкой – случайной или преднамеренной? Оба объекта отстоят друг от друга в пределах видимости.

Особой добычливостью и ландшафтной прелестью отличался восточный склон горы Шитовский Толстик. Шестикилометровая древняя тропа ведёт по девственному лесу то прямо, то увлекая вправо, то влево; то дважды стремительно и смело падает вниз к бродам и тут же игриво взбегает вверх и оканчивается у каменной палатки и старательских отвалов.

Другое дело охотничьи тропы. Они-то в разное время и привели меня, предположительно к кратеру от падения метеорита и к трём новым каменным кладкам. Все находки расположены вблизи древней тропы и тяготеют к её срединной части. Вторая каменная кладка (дольмен), идентичная первой, обнаружена мной в 1962 год, в 100-200 м ниже древней тропы по косоуглу.

Мысль о причастности находок к культовым сооружениям впервые зародилась у меня, когда обнаружил третью и четвёртую каменные кладки. Они расположены вдоль и выше древней тропы на 150-200 м и удалены друг от друга на 350-400 м. Каждая сооружена из четырёх прямоугольных гранитных плит толщиной приблизительно 15 см, три из которых установлены вертикально на ребро и вкопаны, образуя в плане букву П, при этом торцевая плита обращена на восток. Столешница уложена сверху с зазором между торцевой плитой шириной в ладонь.

Твёрдая убежденность в причастности находок к культовым сооружениям пришла с обнаружением в 1972 году пятой и шестой кладок, аналогичной третьей и четвертой. Находки отличались строгими геометрическими формами плит, гармоничными соотношениями размеров, и чувствовалось, что они возводились по выверенному временем канону (автохтонному архитектурному порядку).

Наряду с первыми двумя типами кладок часто встречался и третий тип, состоящий из кладки первого типа, обложенной камнями с торца и обоих боков, с открытым торцом, обращённым на запад.

Каменные кладки и гранитные глыбы с желобами, обнаруженные мной с 1958 по 1972 год, безусловно, являются археологическими памятниками, за которыми стоит неведомая духовная, мировоззренческая и идеологическая культура древних обитателей прибрежных зон, по меньшей мере, трёх озёр: Исетского, Шитовского и Вашты.

В 1973 году я обратился в институт истории и археологии УфАна в надежде вызвать к находкам интерес археологов, но моё обращение было проигнорировано. А в 2000 году я доверился уральскому краеведу Владиславу Григорьевичу Непомнящему. И начались наши совместные поиски под эгидой Исторического музея г. В. Пышмы. Группой в составе: А.А. Бодрых, В.Г. Непомнящий и Г.К. Фефелова в июле 2002 года, приблизительно в 500-х метрах восточнее реки Камышенки, обнаружены пять компактно расположенных дольменов. При их визуальном осмотре оказалось, что кладки П-образного сечения установлены на горизонтальные гранитные плиты и использовались как очаги. Ниже, у подножия горы, обнаружен пласт древесного угля, вскрытый дорожной дренажной канавой. Отсутствие круговой бровки, характерного признака жжения угля в прошлом, свидетельствует о возможной находке места трупосожжения.

В поисковые сезоны 2001-2002 годов группами и одиночками обнаружено семнадцать дольменов третьего типа, два из которых частично раскопаны археологами УрГУ и НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. Следует отметить, что раскопка второго дольмена состоялась после публикации в газете «Подробности» и визита автора в археологическую лабораторию УрГУ.

Привлекает внимание крупный фрагмент горшка с осколками. Мелкие осколки керамики были неравномерно распределены с южной и частью с восточной сторон. Близко к основаниям трёх плит, установленных на ребро, от ствола сосны до горшка обнаружены кальцинированные, а также неопределимые кости и зуб животного. Тщательный осмотр сооружения с каменной крышей, углублённого в почву, позволил идентифицировать его с дольменом. Одновременно обращено внимание на возможность проникновения в погребальную камеру дольмена без демонтажа поминального очага, для чего достаточно последовательно удалить некоторые камни. Фактически, захоронение представляет собой комплекс, включающий дольмен, поминальный очаг и каменный курган. В этой связи представляется целесообразным присвоить каменному сооружению уточнённое наименование, более отвечающее его функциональному назначению и структуре, например, «курганный комплекс» или «погребальный комплекс».

Фактический материал, собранный по археологическим памятникам, невелик и не даёт оснований для объективных интерпретаций. И всё же, опираясь на ряд логических построений, можно предположить несколько рабочих гипотез.

Погребальный обряд

На склонах гор или плато, на заранее выбранном месте, рылась могильная яма до материка, а в аллювиях глубиной 0,5-0,6 метра. На дне ямы сооружался дольмен, крыша которого устанавливалась на уровне с почвой, при этом сторону погребальной камеры, обращённую на запад, оставляли открытой. Зазоры между откосами ямы и дольменом заполнялись плоскими камнями до уровня почвы.

Поминальный очаг монтировался на крыше дольмена со строгой ориентацией опорных плит по линии восток-запад (восток-закат). После окончания монтажа очаг с трёх сторон обкладывался камнями, при этом старались придать кладке форму и очертания кургана. На этом возведение курганного комплекса, практически, заканчивалось, и следовало захоронение праха усопшего.

Погребальная урна с прахом устанавливалась в погребальную камеру дольмена через открытое отверстие, после чего отверстие закрывалось притвором, в данном случае, состоящим из двух каменных плит. Для повышения функциональной надёжности притвора дополнительно устанавливались три плиты. Финишной операцией захоронения являлась предварительная обкладка плит почвой с её уплотнением в зазорах и у основания.

После захоронения праха усопшего у курганного комплекса была принесена в жертву овца в возрасте 2,5 лет. Принадлежность животного к виду, полу и возрасту определена археологической лабораторией УрГУ по зубу. Долю поминального угощения почившего выкладывали из горшка у основания плит с левой стороны на правую, где, в соответствии с обрядом, горшок разбивался. Акт разрушения горшка символизировал безвозвратный уход из жизни человека, его смерть и последнее «прости» сородичей, присутствовавших при погребении. Затем каменная кладка кургана и передняя часть дольмена покрывалась слоем почвы. Почву брали перед открытой частью очага, о чём свидетельствуют выемки грунта у ряда обнаруженных комплексов.

Последними актами погребального обряда были поминальная трапеза и возжжение поминального очага для того, чтобы духу усопшего дать возможность погреться и принять тепло сердец и память душ сородичей. В последующем очаг возжигали, по-видимому, в определённые канонические дни поминовения всех усопших.

Есть убедительные доводы в пользу существования близ устья реки Камышенки древнего поселения: река с чистой водой для хозяйственных нужд; обширные и добычливые охотничьи угодья; одиночные захоронения на склонах гор и плато по левому берегу реки Камышенки вплоть до её верховья; группа из 5 захоронений в курганных комплексах и предполагаемое место трупосожжения в 600 и 350-400 м от устья реки на восток.

Этим исчерпывается набор предположений, построенных, в какой-то степени, на фактическом материале. Вопросов, требующих разрешения, множество, и один из них – какова этническая принадлежность древнего народа, создавшего своеобразную культуру? Но эту и другие задачи будет теперь решать наука, поле деятельности для которой подготовлено трудом краеведов. Находки позволили погасить скепсис сомневающихся и вызвать глубокий интерес археологической лаборатории УрГУ и Научно-производственного центра по охране и использованию памятников Свердловской области к проблеме неизвестной культуры.

Анатолий БОДРЫХ,
«Уральский следопыт» №2, 2004 г.

http://www.incognita.ru/go/g_003.htm